

Н. ГОГОЛЬ

НАРОДНОЕ
ИЗДАНИЕ

НАСЛѢДНИКОВЪ

ШИНЕЛЬ

ВѢЖА

КОРЯКА

ПРОВАВЪ ГРАМОТА

БРАТЬЕВЪ

НОСЪ

ТАРАСЪ БУЛБА

ДЕВИЗОВЪ

ТРАШНАЯ МЕСТЬ

ВЕЧЕРЬ НАКАНУНѢ ИВАНКУ

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

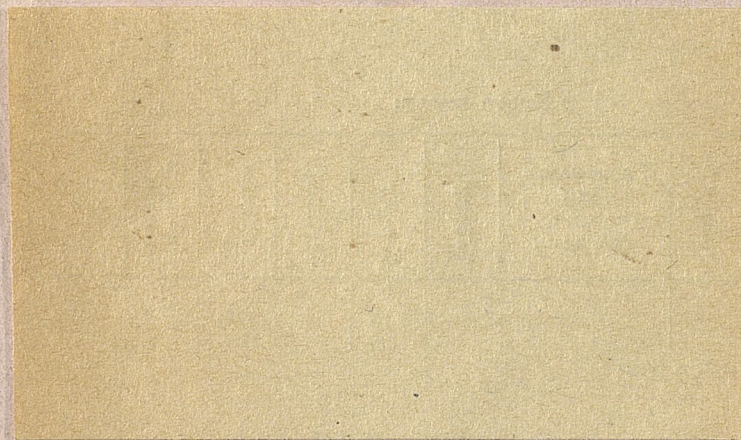
САЛАЕВЫХЪ.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

МОСКВА.

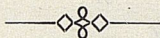
Цѣна 15 коп.

М $\frac{24}{685}$

Н. ГОГОЛЬ.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ

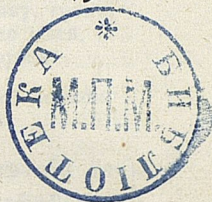
КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ.

1503 - 0

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа
Арбатъ, домъ Платонова.

1887.

Н. Г. Голуб

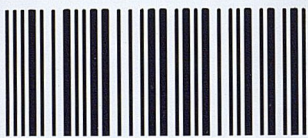
СОБОРНИКЪ ВЪЗНУШНАЯ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Дозволено Цензурою. Москва, 10-го Марта 1887 года.

В. ДУМНОВА

НАСЛАЖДЕНИЕ БРАТЪМЪ СЛАВЯНЫМЪ

2007085099

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

I.

Міні пудно въ хаті жить,
Ой вези жъ мене изъ дому,
Де багацько грому, грому,
Де гошчюють все дівки,
Де гуляють парубки!

Изъ старой легенды.

Въ какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неимѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ

вѣтрѣ прищеть золото. Изумруды, топазы, яхонты ээирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми ого-родами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣ-рыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣри-мости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало — рѣка въ зеленыхъ, гордо подня-тыхъ рамахъ... Какъ полно сладострастія и нѣги малороссійское лѣто!

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа въ тысяча восемьсотъ... восемьсотъ... да, лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога, верстъ за десять до мѣстечка Сорочинецъ, кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тяну-лись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, мед-ленно двигались, кажется, скучая своимъ заключе-ніемъ и темнотою; мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска, или макитра, хвастливо выказывалась изъ высоко взгроможденнаго на возу плетня и привлекала умильные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнно-стей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко въ сторонѣ тащился на истомленныхъ волахъ возъ, наваленный мѣшками, пенькою, полот-номъ и разною домашнею поклажею, за которымъ брелъ, въ чистой полотняной рубашкѣ и запачкан-ныхъ полотняныхъ шароварахъ, его хозяинъ. Лѣни-вою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ

усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ и къ уроду, и насильно пудритъ, нѣсколько тысячъ уже лѣтъ, весь родъ человѣческій. Рядомъ съ нимъ шла привязанная къ возу кобыла, смиренный видъ которой обличалъ преклонныя лѣта ея. Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шапку, поравнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однакожь не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать; стоило только поднять глаза немного вверхъ, чтобы увидѣть причину такой почтительности. На возу сидѣла хорошенькая дочка съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми, карими глазами, съ безпечно-улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя, вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, богатою короною покоились на ея очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее, все было ей чудно, ново... и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!.. Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, чего ей стоило упросить отца взять съ собою, который и душою радъ бы былъ это сдѣлать, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его въ рукахъ такъ же ловко, какъ онъ вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служеніе, теперь на продажу. Неугомонная супруга... но мы и позабыли, что и она тутъ же сидѣла на высотѣ воза, въ нарядной, шерстяной, зеленой кофтѣ, по которой, будто по горностаевому мѣху, нашиты были хвостики краснаго только цвѣта, въ богатой плахтѣ, пестрѣвшей, какъ шахматная доска, и въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ,

придававшимъ какую-то особенную важность ея красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь непріятное, столь дикое, что каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встревоженный взглядъ свой на веселенькое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открываться Псѣлъ; издали уже вѣяло прохладою, которая казалась ощутительнѣе послѣ томительнаго, разрушающаго жара. Сквозь темно- и свѣтло-зеленые листья небрежно раскиданныхъ по лугу осоководъ,

березъ и тополей, засверкали огненные, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри деревь. Своенравная, какъ она, въ тѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, ослѣвленную темною, упавшею съ русой головы волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ, — она почти каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми, разнообразными

ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя свои колеса широкія волны и мощно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей красотѣ и величїи, какъ цѣльное стекло, раскинулась передъ ними. Небо, зеленые и синїе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы — все опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути, какъ вдругъ слова: «Ай да дивчина!» поразили слухъ ея. Оглянувшись, увидѣла она толпу стоявшихъ на мосту парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголеватѣе прочихъ, въ бѣлой свиткѣ и въ сѣрой шапкѣ рѣшетилловскихъ смушекъ, подпершись въ бока, молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но исполненнаго прїятности, лица и огненныхъ очей, казалось, стремившихся видѣть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, можетъ-быть, ему принадлежало произнесенное слово.

— Славная дивчина! продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ. — Я бы отдалъ все свое хозяйство, чтобы поцѣловать ее. А вотъ впереди и дьяволъ сидить!

Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ; но разряженной сожительницѣ медленно выступавшаго супруга не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: красныя щеки ея превратились въ огненные, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на голову разгульнаго парубка:

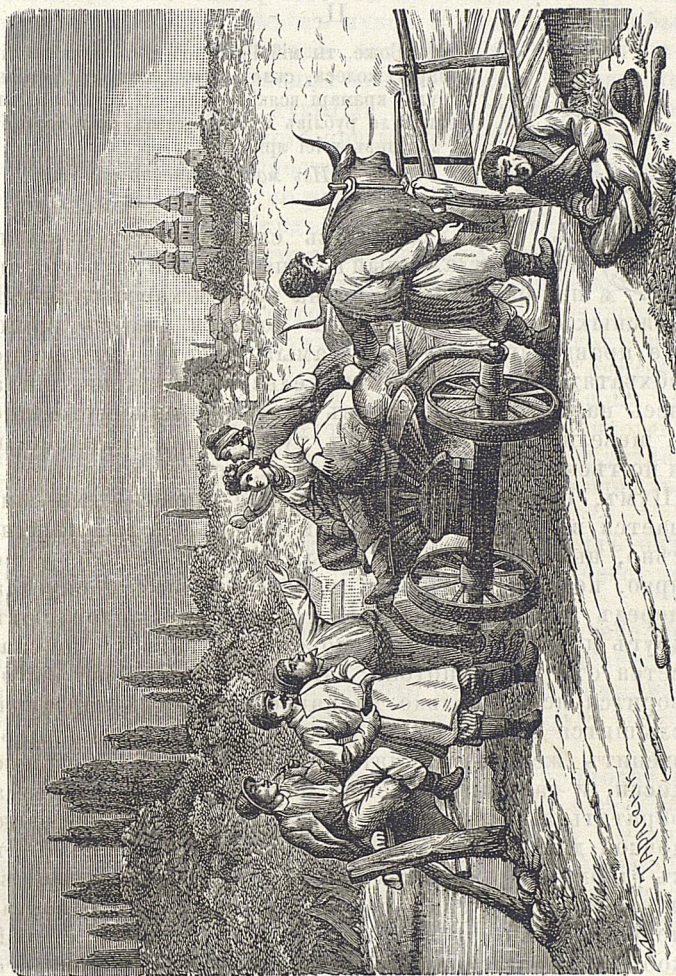
— Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ

твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!

— Вишь, какъ ругается! сказалъ парубокъ, вытирашивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій. — И языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова!

— Столѣтней!.. подхватила пожилая красавица, — Нечестивецъ! поди, умойся напередъ, сорванецъ негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянъ! и отецъ дрянъ! Столѣтней... что у него молоко еще на губахъ...

Тутъ возъ началъ спускаться съ моста, и послѣднихъ словъ уже невозможно было разслушать. Но парубокъ не хотѣлъ, кажется, кончить этимъ: не думая долго, схватилъ онъ комокъ грязи и швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ удачнѣе, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипокъ забрызганъ былъ грязью, и хохотъ разгульных повѣсь удвоился съ новою силой. Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ; но возъ отѣхалъ въ это время довольно далеко, и месть ея обратилась на безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, который, привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе и хладнокровно принималъ мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги. Однакожъ, несмотря на это, неутомимый языкъ ея трещалъ и болтался во рту до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали они въ пригородѣ, къ старому знакомому и куму, казаку Цыбулѣ. Встрѣча съ кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время изъ головы это непріятное происшествіе, заставивъ нашихъ путешественниковъ поговорить объ ярмаркѣ и отдохнуть немного послѣ дальняго пути.

II.

Що Боже, ты мій Господе! чого нема на тій ярмарці: колеса, скло, деготь, тютюнь, ремінь, цибуля, крамарі всякі... такъ що хоть бы въ кишени було рублівъ и съ тридцать, то и тогді-бъ не закупивъ усієї ярмарці!

Изъ малороссійской комедіи.

Вамъ, вѣрно, случалось слышать гдѣ-то валящійся, отдаленный водопадъ, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаосъ чудныхъ неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ срастается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочетъ, гремитъ? Шумъ, брань, мычанье, бляненье, ревъ — все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломаются возъ, звенить желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ съ чернобровою дочкой давно уже толкался въ народъ: подходилъ къ одному возу, щупалъ другой, примѣнивался къ цѣнамъ: а между тѣмъ мысли его ворочались безостановочно около десяти мѣшковъ пшеницы и старой кобылы, приведенной имъ на продажу. По лицу его

дочки замѣтно было, что ей не слишкомъ пріятно тереться около возовъ съ мукою и пшеницею. Ей бы хотѣлось туда, гдѣ подъ полотняными ятками нарядно развѣшены красныя ленты, серьги, оловянные и мѣдные кресты и дукаты. Но и тутъ однакожь она находила себѣ много предметовъ для наблюденія: ее смѣшило до крайности, какъ цыганъ и мужикъ били одинъ другого по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя; какъ поссорившіяся перекупки перекидывались бранью и раками; какъ москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вотъ почувствовала она, кто-то дернулъ ее за шитый рукавъ сорочки. Оглянулась — и парубокъ въ бѣлой свиткѣ, съ яркими очами, стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули, сердце забилося такъ, какъ еще никогда, ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что дѣлалось съ нею.

— Не бойся, серденько, не бойся! говорилъ онъ ей вполголоса, взявши ея руку: — я ничего не скажу тебѣ худого!

«Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого», подумала про себя красавица; «только мнѣ чудно... вѣрно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что негодится такъ... а силъ недостаетъ взять отъ него руку».

Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что-то промолвить дочери, но въ сторонѣ слышалось слово *пшеница*. Это магическое слово заставило его, въ ту же минуту, присоединиться къ двумъ громко разговаривавшимъ негоціантамъ, и приковавшагося къ нимъ вниманія уже ничто не въ состояніи было развлечь. Вотъ что говорили негоціанты о пшеницѣ.

III.

Чи бачишь, вінь якій парнише
На світі трохи есть такихъ:
Сивуху такъ мовъ брагу хлище!

Котляревскій, «Энеида».

акъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница? — говорилъ человекъ, съ виду похожій на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого-нибудь мѣстечка, въ пестрядевыхъ, запачканныхъ дегтемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому, въ синей, мѣстами уже съ заплатами, свиткѣ и съ огромною шишкою на лбу.

— Да думать нечего тутъ: я готовъ вскинуть на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса передъ Рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку.

— Кого ты, землякъ, морочишь? Привозу вѣдь, кромѣ нашего, нѣтъ вовсе, возразилъ человекъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

«Да, говорите себѣ, что хотите», думалъ про себя отецъ нашей красавицы, не пропускавшій ни одного слова изъ разговора двухъ негоціантовъ: «а у меня десять мѣшковъ есть въ запасѣ».

— «То-то и есть, что если гдѣ замѣшалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько отъ голоднаго москаля, — значительно сказалъ человекъ съ шишкою на лбу.

— Какая чертовщина? — подхватилъ человекъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

— Слышалъ ли ты, что поговариваютъ въ народѣ? — продолжалъ съ шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмыя очи.

— Ну?

— Ну, то-то ну! Засѣдатель, чтобъ ему не довелось обтирать губъ послѣ панской сливянки, отвелъ для ярмарки проклятое мѣсто, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тотъ старый, развалившійся сарай, что вонъ-вонъ стоитъ подъ горою? (Тутъ любопытный отецъ нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во вниманіе.) — Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни, и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостной писарь проходилъ поздно вечеромъ, только глядь — въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ. Того и жди, что опять покажется *красная свитка!*

— Что жъ это за *красная свитка?*

Тутъ у нашего внимательнаго слушателя волосы поднялись дыбомъ. Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки, позабывъ про всѣ находящіяся на свѣтѣ свитки. Это разогнало его страхъ и заставило обратиться къ прежней безпечности.

— Эге-ге-ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать свою Хвеську, да и то, спасибо куму: бывши *дружкомъ* уже надоумилъ.

Парубокъ замѣтилъ тотъ же часъ, что отецъ его любезной не слишкомъ далекъ, и въ мысляхъ при-

нялся строить планъ, какъ бы склонить его въ свою пользу.

— Ты, вѣрно, человѣкъ добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчасъ узналъ.

— Можетъ, и узналъ.

— Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу. Тебя зовутъ Солопій Черевикъ.

— Такъ, Солопій Черевикъ.

— А взглядишь-ка хорошенько, не узнаешь ли меня?

— Нѣтъ, не познаю. Не во гнѣвъ будь сказано, навѣку столько довелось наглядѣться рожъ всякихъ, что чортъ ихъ и припомнить всѣ!

— Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!

— А ты будто Охримовъ сынъ?

— А кто жъ? Развѣ одинъ только *мусый дідко*, если не онъ!

Тутъ пріятели побрались за шапки, и пошло лобызанье. Нашъ Голопупенковъ сынъ, однакожъ, не теряя времени, рѣшился въ ту же минуту осадить новаго своего знакомаго.

— Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга, такъ что хоть бы и навѣки жить вмѣстѣ.

— Что жъ, Параска, сказалъ Черевикъ, оборотившись и смѣясь къ своей дочери, — можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того... чтобы и паслись на одной травѣ. Чтб, по рукамъ? А ну-ка, новобранный зять, давай могорычу!

И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной рестораціи — подъ яткою у жидовки, усѣянною многочисленною флотиліей сулей, бутылей, флажекъ всѣхъ родовъ и возрастовъ.

— Эхъ, хватъ! за это люблю! говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять

его налил кружку величиною съ полкварти и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ ее вдребезги. — Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!...

И, посмѣиваясь и покачиваясь, побрелъ онъ съ нею къ своему возу; а нашъ парубовъ отправился по рядамъ съ красными товарами, въ которыхъ находились купцы изъ Гадяча и Миргорода, двухъ знаменитыхъ городовъ Полтавской губерніи, выглядывать получше деревянную люльку, въ мѣдной, щегольской оправѣ, цвѣтистый по красному полю платокъ и шапку, для свадебныхъ подарковъ тестю и всѣмъ, кому слѣдуетъ.

IV.

Хоть чоловікамъ не онее
Да коли жінці, бачишь, тее,
Такъ треба угодити їй...

Котляревскій «Энеида».

Ну; жинка, а я нашелъ жениха дочкѣ!
— Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы
жениховъ отыскивать! Дурень, дурень! тебѣ,
вѣрно, и на роду написано остаться такимъ! Гдѣ жъ
таки ты видѣлъ, гдѣ жъ таки ты слышалъ, чтобы
добрый человекъ бѣгалъ теперь за женихами? Ты
подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть.
Хорошъ долженъ быть женихъ тамъ! Думаю, обор-
ваннѣйшій изъ всѣхъ голодранцевъ.

— Э, какъ бы не такъ! Посмотрѣла бы ты, что тамъ
за парубокъ! Одна свитка больше стоитъ, чѣмъ твоя
зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху
важно дуется!... Чортъ меня возьми вмѣстѣ съ тобою,
если я видѣлъ навѣку своемъ, чтобы парубокъ ду-
хомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись!

— Ну, такъ: ему если пьяница, да бродяга, такъ
и его масти. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ
самый сорванецъ, который увязался за нами на мо-
сту. Жаль, что до сихъ поръ онъ не попадается
мнѣ: я бы дала ему знать!

— Что жъ, Хивря, хоть бы и тотъ самый?...
Чѣмъ же онъ сорванецъ?

— Э, чѣмъ же онъ сорванецъ? Ахъ, ты безмоглая башка! Слышишь, чѣмъ же онъ сорванецъ! Куда же ты запряталъ дурачкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы? Ему хоть бы тутъ же, передъ его запачканнымъ въ табачищѣ носомъ, нанесли жинкѣ его безчестье, — ему бы и нуждочки не было.

— Все, однако же, не вижу въ немъ ничего худого: парень хоть куда! Только развѣ, что заклеилъ на мигъ образину твою навозомъ?

— Эге; да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить! А что это значитъ? Когда это бывало съ тобою? Вѣрно, успѣлъ уже хлебнуть, не продавши ничего?

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разговаривался черезчуръ, и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою руками, предполагая, безъ сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими супружескими когтями.

«Туда, къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!» думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ сильно наступавшей супруги. «Придется отказать доброму человѣку ни за что, ни про что. Господи, Боже мой! за что такая напасть на насъ грѣшныхъ! И такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а ты еще и жинокъ наплодилъ!»

V.

Не хилися, явороньку,
Ще ты зелененькій;
Не журися, казаченьку,
Ще ты молоденькій!

Малоросс. пѣсня.

азсѣянно глядѣлъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, сидя у своего воза, на глухо шумѣвшій вокругъ него народъ. Усталое солнце уходило отъ міра, спокойно пропылавъ свой полдень и утро, и угасающій день плѣнительно и ярко румянился. Ослѣпительно блистали верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, ослѣненные какимъ-то едва примѣтнымъ огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучами оконницъ горѣли: зеленыя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненные; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темной мѣди. Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше, и усталые языки перекупокъ, мужиковъ и цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галушекъ разносился по утихавшимъ улицамъ.

— О чемъ загорюнился, Грицько? вскричалъ vysokій, загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка. — Что жъ, отдавай волю за двадцать!

— Тебѣ бы все волю, да волю. Вашему племени все бы корысть только, поддѣть, да обмануть добраго человѣка.

— Тѣфу, дьяволъ! Да тебя не на шутку забрало. Ужъ не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?

— Нѣтъ, это не по-моему; я держу свое слово; что разъ сдѣлалъ, тому и навѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и на полше-ляга; сказалъ, — да и назадъ... Ну, его и винить

нечего: онъ — пень, да и полно. Все это штуки старой вѣдьмы, которую мы сегодня съ хлопцами на мосту ругнули на всѣ бока! Эхъ, если-бъ я былъ царемъ и паномъ великимъ! я бы первый перевѣшалъ всѣхъ тѣхъ дурней, которые позволяютъ себя сѣдлатъ бабамъ...

— А спустишь воловъ за двадцать, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?

Въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него Грицько. Въ смуглыхъ чертахъ цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вмѣстѣ высокомерное: человекъ, взглянувшій на него, уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица. Совершенно провалившійся между носомъ и острымъ подбородкомъ ротъ, вѣчно осѣненный язвительною улыбкой, небольшіе, но живые, какъ огонь, глаза и безпрестанно мѣняющіеся на лицѣ молніи предпріятій и умысловъ, — все это какъ будто требовало особеннаго, такого же страннаго для себя костюма, какой именно былъ тогда на немъ. Этотъ темно-коричневый кафтанъ, прикосновеніе къ которому, казалось, превратило бы его въ пыль; длинные, валившіеся по плечамъ охлопьями черные волосы; башмаки, надѣтые на босыя, загорѣлыя ноги, — все это, казалось, приросло къ нему и составляло его природу.

— Не за двадцать, а за пятнадцать отдамъ, если не солжешь только! отвѣчалъ парубокъ, не сводя съ него испытующихъ очей.

— За пятнадцать? ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вотъ тебѣ и синица въ задатокъ!

— Ну, а если солжешь?

— Солгу — задатокъ твой.

— Ладно! Ну, давай же по рукамъ!

— Давай!

VI.

Отъ біда! Романъ иде! От-теперь
якъ разъ насадить мені бѣбехівъ, да
й вамъ, пане Хомо, не безъ лиха буде.

Изъ малоросс. комедіи.

Юда, Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ плетень,
поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой
отправился на всю ночь съ кумомъ подъ возы,
чтобъ москали на случай не подцѣпили чего.

Такъ грозная сожительница Черевика ласково обо-
дряла трусливо лѣпившагося около забора поповича,
который поднялся скоро на плетень и долго стоялъ
на немъ въ недоумѣніи, будто длинное, страшное
привидѣніе, измѣривая окомъ, куда бы лучше прыг-
нуть и, наконецъ, съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

— Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли
еще, Боже оборони, шеи? лепетала заботливая Хивря,

— Тсъ! ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья
Никифоровна! болѣзненно и шопотно произнесъ по-
повичъ, подымаясь на ноги, — выключая только
уязвленія со стороны кропивы, сего зміеподобнаго
злака, по выраженію покойнаго отца-протопопа.

— Пойдемте же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ.
А я думала было уже, Аѳанасій Ивановичъ, что
къ вамъ болячка или соняшница пристала: нѣтъ, да
и нѣтъ. Каково же вы поживаете? Я слышала, что
панъ отцу перепало теперь не мало всякой всячины!

— Сушяя бездѣлица, Хавронья Никифоровна! батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ пятнадцать ярового, проса мѣшка четыре, книшей съ сотню; а куръ, если сосчитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ; яйца же большею частью протухлыя. Но воистину сладостныя приношенія, сказать примѣрно, единственно отъ васъ предстоитъ получить, Хавронья Никифоровна! продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

— Вотъ вамъ и приношеніе, Аѳанасій Ивановичъ! проговорила она, ставя на столъ миски и жеманно

застегивая свою, будто не нарочно растегнувшуюся, кофту: — вареники, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!

— Бьюсь объ закладъ, если это сдѣлано не хитрѣйшими руками изъ всего Евина рода! сказалъ попovichъ, принимаясь за товченички и подвигая другою

рукою варенички. — Однакожъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ отъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ.

— Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще ку-

шанья хочется, Аѳанасій Ивановичъ! отвѣчала дородная красавица, притворяясь непонимающею.

— Разумѣется, любви вашей, несравненная Хивронья Никифоровна! шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

— Богъ знаетъ, что вы выдумаете, Аѳанасій Ивановичъ! сказала Хивря, стыдливо потупивъ глаза свои. — Чего добраго, вы, пожалуй, затѣете еще цѣловаться!

— Насчетъ этого я вамъ скажу хоть бы и про себя, продолжалъ поповичъ, — въ бытность мою, примѣрно сказать, еще въ бурсѣ, вотъ, какъ теперь помню...

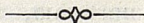
Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и возвратилась, вся поблѣднѣвшая.

— Ну, Аѳанасій Ивановичъ, мы попались съ вами: народу стучится куча, и мнѣ почудился кумовъ голосъ...

Вареникъ остановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ будто какой-нибудь выходецъ съ того свѣта только-что сдѣлалъ ему передъ симъ визитъ свой.

— Полѣзайте сюда! кричала испуганная Хивря, указывая на положенныя подъ самымъ потолкомъ, на двухъ перекадинахъ, доски, на которыхъ была навалена разная домашняя рухлядь.

Опасность придала духу нашему герою. Опамятовавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и полѣзъ оттуда осторожно на доски; а Хивря побѣжала безъ памяти къ воротамъ, потому что стукъ повторялся въ нихъ съ большею силою и нетерпѣніемъ.

VII.

Да тутъ чудасія, мосьпане!

Изъ малоросс. комедіи.

На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то, между товаромъ показалась *красная свитка*. Старухъ, продававшей бублики, почудился сатана, въ образинѣ свиньи, который безпрестанно наклонялся надъ возами, какъ будто искалъ чего. Это быстро разнеслось по всеѣмъ угламъ уже утихнувшаго табора и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить, несмотря на то, что продавица бубликовъ, которой подвижная лавка была рядомъ съ яткою шинкаря, раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе лакомаго товара. Къ этому присоединились еще увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣнномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ что къ ночи всѣ тѣснѣе жались другъ къ другу; спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои; а тѣ, которые были не совсѣмъ храбраго десятка и запаслись ночлегами въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые, вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хату гостями, произвели сильный стукъ, такъ перепугавшій нашу Хиврю. Кума уже немного порозобрало. Это можно было видѣть изъ того, что

онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, покамѣстъ нашелъ хату. Гости тоже были въ веселомъ расположеніи и, безъ церемоніи, вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидѣла, какъ на иголкахъ, когда принялись шарить по всѣмъ угламъ хаты.

— Что, кума! вскричалъ вошедшій кумъ, — тебя все еще трясетъ лихорадка?

— Да, нездоровится, отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на доски, накладенныя подъ потолкомъ.

— А ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажку! говорилъ кумъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ: — мы черпнемъ ее съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы напугали насъ такъ, что и сказать стыдно. Вѣдь мы, ей-Богу, братцы, по пустякамъ пріѣхали сюда! продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. — Я тутъ же ставлю новую шапку, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана, — что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сію же минуту вздумалось ему стать вотъ здѣсь, напримѣръ, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему дулю подъ самый носъ!

— Отчего же ты вдругъ поблѣднѣлъ? закричалъ одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ головой и старавшійся всегда выказывать себя храбрецомъ.

— Я?... Господь съ вами! приснилось! Гости усмѣхнулись; довольная улыбка показалась на лицѣ рѣчистаго храбреца.

— Куда теперь ему блѣднѣть! подхватилъ другой: — щеки у него расцвѣли, какъ макъ; теперь онъ не цыбуля, а бурякъ*) или лучше сама красная свитка, которая такъ напугала людей.

*) Т.-е. свекла.

Баклажка прокатилась по столу и сдѣлала гостей еще веселѣе прежняго. Тутъ Черевикъ нашъ, котораго давно мучила *красная свитка* и не давала ни на минуту покоя его любопытному духу, приступилъ къ куму.

— Скажи, будь ласковъ, кумъ! Вотъ прошусь, да не допрошусь исторіи про эту проклятую *свитку*.

— Э, кумъ! оно бы не годилось рассказывать на ночь; да развѣ уже для того, чтобъ угодить тебѣ и добрымъ людямъ (при семъ обратился онъ къ гостямъ), которымъ, я примѣчаю, столько же, какъ и тебѣ, хочется узнать про эту диковину. Ну, быть такъ. Слушайте жъ!

Тутъ онъ почесалъ плеча, утерся полою, положилъ обѣ руки на столъ и началъ:

— Разъ, за какую вину, ей-Богу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта изъ пекла...

— Какъ же, кумъ! прервалъ Черевикъ, — какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?

— Что-жъ дѣлать, кумъ! выгнали да и выгнали, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хаты. Можетъ быть, на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло, — ну, и указали двери. Вотъ, чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно по пеклѣ, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. Угнѣздился въ томъ самомъ сараѣ, который, ты видѣлъ, развалился подъ горою и мимо котораго ни одинъ добрый человекъ не пройдетъ теперь, не оградивъ напередъ себя крестомъ святымъ, и сталъ чортъ такой гуляка, какого не сыщешь между парубками: съ утра до вечера то и дѣло, что сидитъ въ шинкѣ!...

Тутъ опять строгій Черевикъ прервалъ нашего рассказчика:

— Богъ знаетъ, что говоришь ты кумъ! Какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто-нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же есть, слава Богу, и когти на лапахъ, и рожки на головѣ.

— Вотъ то-то и штука, что на немъ была шапка и рукавицы. Кто его распознаетъ? Гулялъ, гулялъ — наконецъ пришлось до того, что пропилъ все, что имѣлъ съ собою. Шинкаръ долго вѣрилъ, потомъ и пересталъ. Пришлось чорту заложить красную свитку свою, чуть ли не въ треть цѣны, жиду, шинковавшему тогда на Сорочинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: «Смотри, жидъ, я приду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!» — и пропалъ, какъ будто въ воду. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь, а красный цвѣтъ горитъ, какъ огонь, такъ что не наглядѣлся бы. Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесалъ себѣ пейсики, да и содралъ съ какого-то проѣзжаго пана мало не пять червонцевъ. Какъ вотъ разъ подъ вечерокъ приходитъ какой-то человѣкъ: «Ну, жидъ, отдавай мою свитку!» Жидъ сначала было и не позналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ и прикинулся, будто въ глаза не видалъ. — «Какую свитку? У меня нѣтъ никакой свитки; я знать не знаю твоей свитки!» Тотъ, глядь, и ушелъ; только къ вечеру, когда жидъ, заперши свою конуру и пересчитавъ по сундукамъ деньги, накинулъ на себя простыню и началъ по-жидовски молиться Богу — слышитъ шорохъ... Глядь — во всѣхъ окнахъ повывестились свиные рыла...

Тутъ въ самомъ дѣлѣ послышался какой-то неясный звукъ, весьма похожій на хрюканье свиньи; всѣ поблѣднѣли... Потъ выступилъ на лицѣ рассказчика.

— Что? произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

— Ничего!... отвѣчалъ кумъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Ась? отозвался одинъ изъ гостей.

— Ты сказалъ?...

— Нѣтъ!

— Кто жъ это хрюкнулъ?

— Богъ знаетъ, чего мы переполошились! Ничего нѣтъ!

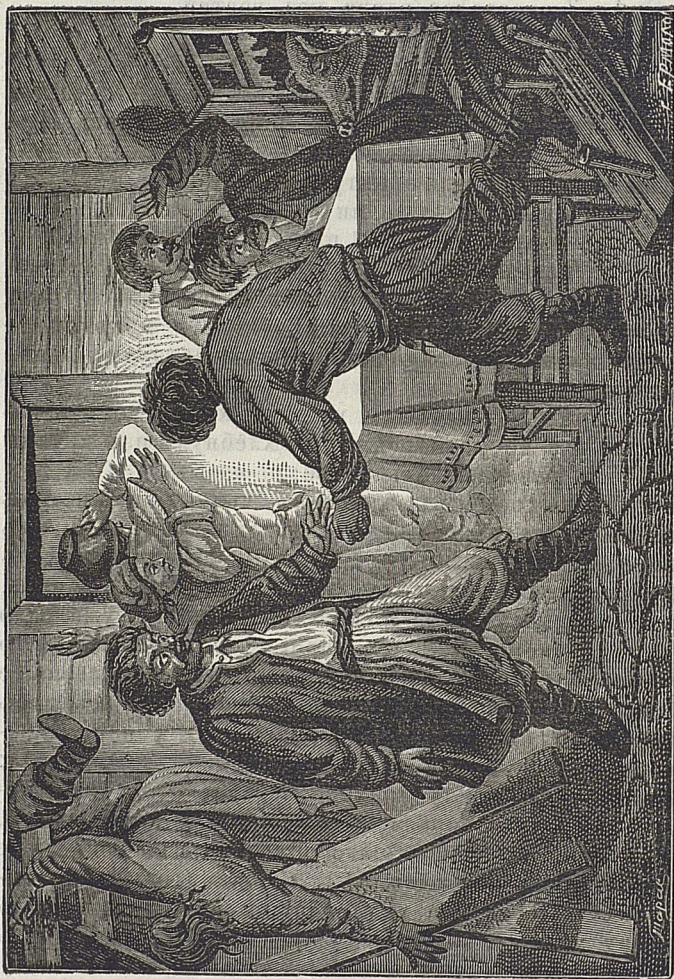
Всѣ боязливо стали осматриваться и начали шарить по угламъ. Хивря была ни жива, ни мертва.

— Эхъ вы, бабы, бабы! произнесла она громко. — Вамъ ли казаковать и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да и посадить за гребень! Одинъ кто-нибудь, можетъ, прости Господи... подъ кѣмъ-нибудь скамейка закрипѣла, а всѣ и метнулись, какъ полоумные!

Это привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ оборотиться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ рассказывать далѣе:

— Жидъ обмеръ; однакожъ свиньи на ногахъ длинныхъ, какъ ходули, повлѣзали въ окна и мигомъ оживили плетеными тройчатками, заставя плясать его повыше вотъ этого сволока *). Жидъ — въ ноги, признался во всемъ... Только свитки нельзя уже было воротить скоро. Пана на дорогѣ обокралъ какой-то цыганъ и продалъ свитку перекупкѣ; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но съ тѣхъ поръ уже никто ничего не сталъ покупать у нея. Перекупка дивилась, дивилась и, наконецъ, смекнула: вѣрно виною всему красная свитка: не даромъ надѣвая ее, чувствовала, что ее все давить что-то. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь — не горитъ бѣсовская одежда!... «Э, да это чертовъ подарокъ!» Перекупка умудрилась и подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень

*) Т.-е. перекладина подъ потолкомъ.

и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. «Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!» Схватилъ топоръ и изрубилъ ее въ куски. Глядь — лѣзетъ одинъ кусокъ къ другому, и опять цѣлая свитка! Перекрестившись, хватилъ топоромъ въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чортъ со свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей свитки. Теперь, говорятъ, одного только лѣваго рукава недостаетъ ему. Люди съ тѣхъ поръ отрещиваются отъ того мѣста, и вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на немъ ярмарки. Да легкая дернула теперь засѣдателя от...

Другая половина слова замерла на устахъ рассказчика: окно брякнуло съ шумомъ; стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: «А что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?»

VIII.

...піджавъ хвистъ, мовъ собака
Мовъ Каїнь, затрусивъ увесь;
Изъ носа потекла табака.

Котляревскій. «Энеида».

жась оковалъ всѣхъ находившихся въ хатѣ. Кумъ, съ разинутымъ ртомъ, превратился въ камень; глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить; разверстыя пальцы остались неподвижными въ воздухѣ. Высокій храбрець, въ ничѣмъ непобѣдимомъ страхѣ, подскочилъ подъ потолокъ и ударился головою о перекладину; доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

— Ай! ай! ай! отчаянно закричалъ одинъ, повалившись на лавку въ ужасѣ и болтая на ней руками и ногами.

— Спасайте! горланилъ другой въ отчаяніи, закрывшись тулупомъ.

Кумъ, выведенный изъ окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, поползъ въ судорогахъ подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрець полѣзъ въ печь, несмотря на узкое отверстіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Чеверикъ, какъ-будто облитый горячимъ кипяткомъ, схвативши на голову горшокъ, вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ и, какъ полоумный, бѣжалъ по улицамъ, не видя подъ собою земли: одна

усталость только заставила его уменьшить скорость бѣга. Сердце его колотилось, какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи, готовъ уже былъ онъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что сзади кто-то гонится за нимъ... Духъ у него занялся...

— Чортъ! чортъ! кричалъ онъ безъ памяти, утворя силы, и чрезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю.

— Чортъ! чортъ! кричало вслѣдъ за нимъ, и онъ слышалъ только, какъ что-то съ шумомъ ринулось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба, остался нѣмъ и недвижимъ посреди дороги.

IX.

Ще спереду и такъ, и саякъ:
А ззаду, ей же, ей, на чорта!

Изъ простонар. сказки.

— Ты слышишь, Власъ? говорилъ, приподнявшись ночью, одинъ изъ толпы народа, спавшаго на улицѣ: — возлѣ насъ помянулъ кто-то чорта!

— Мнѣ какое дѣло? проворчалъ, потягиваясь, лежавшій подлѣ него цыганъ: — хоть бы и всѣхъ своихъ родителей помянулъ!

— Но, вѣдь, такъ закричалъ, какъ будто давятъ его!

— Мало ли чего человѣкъ не совретъ спросонья!

— Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно. А вырубика огня!

Другой цыганъ, ворча про-себя, поднялся на ноги, два раза освѣтилъ себя искрами, будто молніями, раздулъ губами трутъ и, съ каганцемъ въ рукахъ (обыкновенною малороссійскою свѣтильною, состоящею изъ разбитаго черенка, налитаго бараньимъ жиромъ), отправился, освѣщая дорогу.

— Стой! здѣсь лежитъ что-то. Свѣти сюда!

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

— Чтò лежитъ, Власть?

— Такъ, какъ будто бы два человѣка — одинъ наверху, другой внизу. Который изъ нихъ чортъ, уже и не распознаю!

— А кто наверху?

— Баба.

— Ну, вотъ, это-жъ-то и есть чортъ!

Всеобщій хохотъ разбудилъ почти всю улицу.

— Баба взлѣзла на человѣка... Ну, вѣрно, баба эта знаетъ, какъ ѣздить! говорилъ одинъ изъ окружавшей толпы.

— Смотрите, братцы! говорилъ другой, поднимая черепокъ отъ горшка, котораго одна только уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевика, — какую шапку надѣлъ на себя этотъ добрый молодецъ!

Увеличившійся шумъ и хохотъ заставили очнуться нашихъ мертвецовъ, Солопія и его супругу, которые, полные прошедшаго испуга, долго глядѣли въ ужасѣ неподвижными глазами на смуглыя лица цыганъ. Озаряясь свѣтомъ, невѣрно и трепетно горѣвшимъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ тяжелымъ подземнымъ паромъ во мракѣ непробудной ночи.

Х.

Цуръ тобі, пекъ тобі, сатанинське
наважденіе!

Изъ малоросс. комедіи.

Вѣжестъ утра вѣяла надъ пробудившимися Со-
рочинцами. Клубы дыму со всѣхъ трубъ по-
неслись навстрѣчу показавшемуся солнцу.
Ярмарка зашумѣла. Овцы заблеяли, лошади заржали;
крикъ гусей и торговыхъ понесся снова по всему
табору, и страшные толки про *красную свитку*, на-
ведшіе такую робость на народъ, въ таинственные
часы сумерекъ, исчезли съ появленіемъ утра.

Зѣвая и потягиваясь, дремалъ Черевикъ у кума
подъ крытымъ соломою сараемъ, между воловъ,
мѣшковъ муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не
имѣлъ желанія разстаться съ своими грезами, какъ
вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ
убѣжище лѣни — благословенная печь его хаты, или
шинокъ дальней родственницы, находившійся не да-
лѣе десяти шаговъ отъ его порога:

— Вставай, вставай! дребезжала ему на ухо нѣж-
ная супруга, дергая изо всей силы за руку.

Черевикъ, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ
болтать руками, подражая барабанному бою.

— Сумасшедшій! закричала она, уклоняясь отъ
взмаха руки его, которою онъ чуть было не задѣлъ
ее по лицу.

Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ:

— Врагъ меня возьми, если мнѣ, голубко, не представлялась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня заставляли выбивать зарю, словно москаля, тѣ самыя свинныя рожи, отъ которыхъ, какъ говоритъ кумъ...

— Полно, полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди скорѣй кобылу на продажу. Смѣхъ, право, людямъ: прѣхали на ярмарку, и хоть бы горсть пеньки продали...

— Какъ же, жинка! подхватилъ Солопій, — съ насъ вѣдь теперь смѣяться будутъ.

— Ступай, ступай! съ тебя и безъ того смѣются!

— Ты видишь, что я еще не умывался, продолжалъ Черевикъ, зѣвая и почесывая спину и стараясь, между прочимъ, выиграть время для своей лѣни.

— Вотъ нехстати пришла блажь быть чистоплотнымъ! Когда это за тобою водилось? Вотъ рушникъ, оботри свою маску.

Тутъ схватила она что-то свернутое въ комокъ — и съ ужасомъ отбросила отъ себя: это былъ *красный обшлагъ свитки!*

— Ступай, дѣлай свое дѣло, повторила она, собравшись съ духомъ, своему супругу, видя, что у него страхъ отнялъ ноги, и зубы колотились одинъ о другой.

«Будетъ продажа теперъ!» ворчалъ онъ самъ себѣ, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. «Не даромъ, когда я собирался на эту проклятую ярмарку, на душѣ было такъ тяжело, какъ будто кто взвалилъ на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, какъ вспомнилъ я теперь, не въ понедѣльникъ мы выѣхали. Ну, вотъ и зло все!.. Неугомоненъ и чортъ проклятый: носилъ бы уже свитку безъ одного рукава, такъ нѣтъ, нужно

же добрымъ людямъ не давать покою. Будь, при-
мѣрно, я чортъ — чего оборони Боже — сталъ ли бы
я таскаться ночью за проклятыми доскутьями?»

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано
было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ. Предъ нимъ
стоялъ высокій цыганъ.

— Что продаешь, добрый человѣкъ?

Продавецъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ
до головы и сказалъ съ покойнымъ видомъ, не оста-
навливаясь и не выпуская изъ рукъ узды: — Самъ
видишь, что продаю!

— Ремешки? спросилъ цыганъ, поглядывая на на-
ходившуюся въ рукахъ узду.

— Да, ремешки, если только кобыла похожа на
ремешки.

— Однакожь, чортъ возьми, землякъ, ты, видно,
ее соломою кормилъ!

— Соломою?

Тутъ Черевикъ хотѣлъ-было потянуть узду, чтобы
провести свою кобылу и обличить во лжи безстыд-
наго поносителя; но рука его съ необыкновенною
легкостью ударилась въ подбородокъ. Глянулъ —
въ ней перерѣзанная узда и къ уздѣ привязанный, —
о, ужасъ! волосы его поднялись горою, — кусокъ
краснаго рукава свитки!.. Плюнувъ, крестясь и болтая
руками, побѣжалъ онъ отъ неожиданнаго подарка и,
быстрѣе молодого парубка, пропалъ въ толпѣ.

XI.

За мое жъ жито, та мене й побито.

Пословица.

Лови! лови его! кричало нѣсколько хлопцевъ въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ почувствовалъ, что схваченъ вдругъ дюжими руками.

— Вязать его! Это тотъ самый, который укралъ у добраго человѣка кобылу.

— Господь съ вами! за что вы меня вяжете?

— Онъ же и спрашиваетъ! А за что ты укралъ кобылу у пріѣзжаго мужика, Черевика?

— Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ видано, чтобы человѣкъ самъ у себя кралъ что-нибудь?

— Старыя штуки! старыя штуки! Зачѣмъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ будто бы самъ сатана за тобою по пятамъ гнался?

— Поневолѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда...

— Э, голубчикъ! обманывай другихъ этимъ. Будетъ еще тебѣ отъ засѣдателя за то, чтобы не пугахъ чертовщиною людей!

— Лови! лови его! слышался крикъ на другомъ концѣ улицы. — Вотъ онъ, вотъ бѣглецъ!

И глазамъ нашего Черевика представился кумъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, съ заложенными назадъ руками, ведомый нѣсколькими хлопцами.

— Чудеса завелись! говорилъ одинъ изъ нихъ: — послушали бы вы, что рассказываетъ этотъ мошенникъ, которому стоитъ только заглянуть въ лицо, чтобы увидѣть вора. Когда стали спрашивать: отчего бѣжалъ онъ, какъ полоумный? — «Полѣзъ», говорить,

«въ карманъ понюхать табакъ и, вмѣсто тавлинки, вытащилъ кусокъ чортовой свитки, отъ которой вспыхнулъ красный огонь», а онъ — давай Богъ ноги.

— Эге-ге! да это изъ одного гнѣзда обѣ птицы! Вязать ихъ обоихъ вмѣстѣ!

XII.

«Чимъ, люде добрі, такъ оце я провинився?
«За що глузуете?» сказавъ нашъ небораць,
«За що знущаетесь вы надо мною такъ?
«За що, за що?...» сказавъ та й попустивъ патѣки,
Патѣки гіркихъ слізъ, узявшись за боки.

Артемовскій-Гулакъ, «Панъ та собака».

Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, кумъ, ты подцѣпилъ что-нибудь? спросилъ Черевикъ, лежа, связанный, вмѣстѣ съ кумомъ, подъ соломенною яткою.

— И ты туда же, кумъ! Чтобы мнѣ отсохнули руки и ноги, если что-нибудь и когда-либо кралъ, выключая развѣ вареники со сметаною у матери, да и то еще, когда мнѣ было лѣтъ десять отъ роду.

— За что же это, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего: тебя винять по крайней мѣрѣ за то, что у другого укралъ; но за что мнѣ, несчастливцу, недобрый поклепъ такой, будто у самого себя стянулъ кобылу? Видно намъ, кумъ, на роду уже написано не имѣть счастья!

— Горе намъ, сиротамъ бѣднымъ?

Тутъ оба кума принялись всхлипывать навзрыдъ.

— Что съ тобою, Солопій? сказалъ вошедшій въ это время Грицько. — Кто это связалъ тебя?

— А! Голопупенко, Голопупенко! закричалъ, обрадовавшись, Солопій. — Вотъ, кумъ, это тотъ самый, о которомъ я говорилъ тебѣ. Эхъ, хватъ! вотъ, Богъ убей меня на этомъ мѣстѣ, если не высуслилъ при мнѣ кухоль, мало не съ твою голову, и хоть бы разъ поморщился!

— Что же ты, кумъ, такъ не уважилъ такого славнаго парубка?

— Вотъ, какъ видишь, продолжалъ Черевикъ, обогрѣваясь къ Грицьку; — наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился передъ тобою. Прости, добрый человекъ! Ей Богу, радъ бы былъ сдѣлать все для тебя... Но что прикажешь? Въ старухѣ дьяволъ сидитъ!

— Я не злопамятенъ, Солопій! Если хочешь, я освобожу тебя!

Тутъ онъ мигнулъ хлопцамъ, и тѣ же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать.

— Зато и ты дѣлай, какъ нужно. Свадьбу — да и попируемъ такъ, чтобы цѣлый годъ болѣли ноги отъ гопака!

— *Добре! отъ добре!* сказалъ Солопій, хлопнувъ

руками. — Да мнѣ такъ теперь сдѣлалось весело, какъ будто мою старуху москали увезли! Да что думать! годится, или не годится такъ — сегодня свадьбу, да и концы въ воду!

— Смотри-жъ, Солопій, черезъ часъ я буду къ тебѣ, а теперь ступай домой; тамъ ожидаютъ тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!

— Какъ, развѣ кобыла нашлась?

— Нашлась!

Черевикъ отъ радости сталъ неподвиженъ, глядя вслѣдъ уходившему Грицьку.

— Что, Грицько, худо мы сдѣлали свое дѣло? сказалъ высокій цыганъ спѣшившему парубку. — Воли, вѣдь, мои теперь?

— Твои, твои!

XIII.

Не бійся, матінко, не бійся,
Въ червоні чобітки обуйся,
Топчи вороги
Підъ ноги,
Щобъ твої підківки
Брязчали,
Щобъ твої вороги
Мовчали!

Свадебная пѣсня.

Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство поднимало темныя ея брови, а иногда снова облако задумчивости опускало ихъ на яркія, свѣтлыя очи.

«Ну что, если не сбудется то, что говорилъ онъ?» шептала она съ какимъ-то выраженіемъ сомнѣнія. «Ну, что, если меня не выдадутъ? Если... Нѣтъ, нѣтъ, — этого не будетъ! Мачеха дѣлаетъ все, что ей ни вздумается: развѣ и я не могу дѣлать того, что мнѣ вздумается? Упрямства и у меня достанетъ. Какой же онъ хорошій! Какъ чудно горятъ его черныя очи! Какъ любо говоритъ онъ: *Парасю, голубко!* Какъ пристала къ нему бѣлая свитка! Еще бы поясъ поярче!.. Пускай уже, правда, я ему вытку, какъ перейдемъ жить въ новую хату. Не подумаю безъ

радости», продолжала она, вынимая изъ-за пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою и купленное ею на ярмаркѣ, и глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ, «какъ я встрѣчусь тогда гдѣ-нибудь съ нею! Я ей ни за что не поклонюсь, хотя она себѣ тресни! Нѣтъ, мачеха, полно колотить тебѣ

свою падчерицу! Скорѣе песокъ взойдетъ на камнѣ и дубъ погнется въ воду, какъ верба, нежели я нагнусь передъ тобою! Да, я и позабыла... дай примѣрить очипокъ, хоть мачехинъ, какъ-то онъ мнѣ придется?»

Тутъ встала она, держа въ рукахъ зеркальце и, наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ,

какъ будто бы опасаясь упасть; видя подъ собою, вмѣсто пола, потолокъ съ наложенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся недавно поповичъ, и полки, уставленные горшками.

— Что я, въ самомъ дѣлѣ, будто дитя! вскричала она смѣясь; — боюсь ступить ногою!

И начала притопывать ногами, — чѣмъ далѣе, все смѣлѣе; наконецъ, лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, побрякивая подковами, держа передъ собою зеркало и напѣвая любимую свою пѣсню:

Зелененькій барвіночку,
Стелися низенько!
А ты, милый, чорнобривый,
Присунься близенько!
Зелененькій барвіночку,
Стелися ще ниже!
А ты, милый, чорнобривый,
Присунься ще ближе!

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего; но когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились, гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился вприсядку, позабывъ про всѣ дѣла свои. Громкій хохотъ кума заставилъ обоихъ вздрогнуть.

— Вотъ хорошо, батка съ дочкой затѣяли здѣсь сами свадьбу! Ступайте же скорѣе: женихъ пришелъ.

При послѣднемъ словѣ Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а безпечный отецъ ея вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ онъ.

— Ну, дочка, пойдемъ скорѣе! Хивря, съ радости, что я продалъ кобылу, побѣжала, говорилъ онъ,

боязливо оглядываясь по сторонамъ, — побѣжала за-
купать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно
до прихода ея все кончить!

Не успѣла Параска переступить за порогъ хаты,
какъ почувствовала себя на рукахъ парубка въ бѣ-
лой свиткѣ, который съ кучею народа выжидалъ ее
на улицѣ.

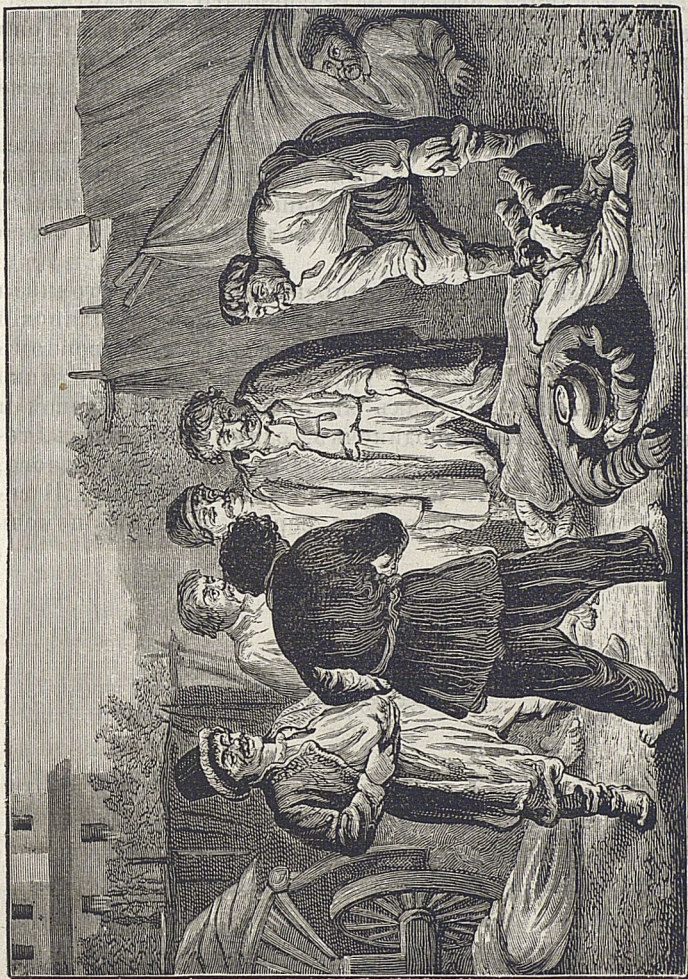
— Боже, благослови! сказалъ Черевикъ, складывая
имъ руки. — Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вяютъ!
Тутъ послышался шумъ въ народѣ.

— Я скорѣе тресну, чѣмъ допущу до этого! кри-
чала сожительница Солопія, которую, однакожъ,
съ хохотомъ отталкивала толпа народу.

— Не бѣсись, не бѣсись жинка! говорилъ хладно-
кровно Черевикъ, видя, что пара дюжихъ цыганъ
овладѣла ея руками: — что сдѣлано, то сдѣлано; я
перемѣнять не люблю!

— Нѣтъ, нѣтъ, этого-то не будетъ!.. кричала
Хивря, но никто не слушалъ ея: нѣсколько паръ
обступило новую пару и составило около нея непро-
ницаемую танцующую стѣну.

Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зри-
телемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ
музыканта, въ сермяжной свиткѣ, съ длинными за-
крученными усами, все обратилось, волею и нево-
лею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на
угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не про-
скальзывала улыбка, притопывали ногами и вздра-
гивали плечами. Все неслоь, все танцовало. Но еще
страниѣе, еще неразгаданиѣе чувство пробудилось бы
въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на вет-
хихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы,
толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ
человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости,
безъ искры сочувствія, которыхъ одинъ хмель только,

какъ механикъ своего безжизненного автомата, заставляеть дѣлать что-то подобное человѣческому, онѣ тихо покачивали охмелѣвшими головами, подплясывая за веселящимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету.

Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостя, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиначкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати
слѣдующія сочиненія Н. В. ГОГОЛЯ,

ВЪ НАРОДНОМЪ ИЗДАНІИ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ,

ВЪ МОСКВѢ,

на Мясницкой, противъ Златоустинскаго пер., домъ Обидиной:

1. Коляска.
2. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.
3. Вій.
4. Майская ночь или утопленица.
5. Носъ.
6. Ночь предъ Рождествомъ.
7. Страшная месть.
8. Тарасъ Бульба.
9. Пропавшая грамота.
10. Шинель.
11. Женитьба, совершенно невѣроятное
событіе.
12. Заколдованное мѣсто.

